

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ ПАТРИОТИЗМА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Олег Иванович Сыромятников

доктор филологических наук
профессор кафедры русской литературы Пермского
государственного университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
преподаватель Пермской духовной семинарии
614036 г. Пермь, Шоссе Космонавтов, 185
pani_perm@list.ru

Для цитирования: *Сыромятников О. И.* Духовные основы патриотизма в русской культуре // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 323–334. DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.017

Аннотация

УДК 17.024 (37) (141.412)

В статье рассматривается сущность и онтологические основы патриотизма как морального принципа. Содержание всех моральных принципов обуславливается высшими нравственными ценностями, главным из которых является идеал — представление о некоем совершенстве. Идеал имеет фидеическую природу — человек верит, что некто или нечто обладает высшей ценностью. Развиваясь, фидеическое сознание приобретает статус религиозного сознания, и в этом случае понятия морали получают религиозное обоснование. Это в полной мере относится и к патриотизму. Наиболее полно его сущность раскрывается в православии, провозглашающем любовь главным законом бытия и утверждающем, что настоящая любовь всегда содержит в себе готовность к бескорыстной жертве. Автор сравнивает патриотизм с такими внешне похожими на него явлениями, как национализм, шовинизм, расизм, ксенофобия и космополитизм и приходит к выводу, что религиозный патриотизм всегда прочнее и сильнее любых форм секулярного идеологического патриотизма, потому что его источником является сам Бог. Следовательно, воспитание подлинного патриотизма вне духовных и нравственных ценностей, хранимых традиционными религиями, невозможно.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, шовинизм, ксенофобия, расизм, космополитизм, фидеическое сознание, Священное Писание.

Spiritual Foundations of Patriotism in Russian Culture

Oleg I. Syromiatnikov

Doctor of Philology

Professor at the Department of Russian Literature at the Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Lecturer at the Perm Theological Seminary

185, Kosmonavtov Highway, Perm, 614036, Russia

pani_perm@list.ru

For citation: Syromyatnikov, Oleg I. "Spiritual Foundations of Patriotism in Russian Culture". *Theological Herald*, no. 1 (52), 2024, pp. 323–334 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.017

Abstract. The article examines the essence and ontological foundations of patriotism as a moral principle. The content of all moral principles is determined by the highest moral values, the main of them being an ideal – the idea of certain perfection. The ideal has fideic nature – a person believes that someone or something has the highest value. As it develops, fideic consciousness acquires the status of religious consciousness, and in this case the concepts of morality receive religious justification. It entirely applies to patriotism. Its essence is most completely revealed in Orthodoxy, which proclaims love to be the main law of existence and asserts that true love always contains readiness for selfless sacrifice. The author compares patriotism with such externally similar phenomena as nationalism, chauvinism, racism, xenophobia and cosmopolitanism and comes to the conclusion that religious patriotism is always stronger and more durable than any other form of secular ideological patriotism, because its source is God Himself. Therefore, education in true patriotism apart from the spiritual and moral values preserved by traditional religions is impossible.

Keywords: patriotism, nationalism, chauvinism, xenophobia, racism, cosmopolitanism, fideic consciousness, Holy Scripture.

Основу мировоззрения человека и общества образует фидеическое сознание, высшей формой развития которого является религиозное сознание. Оно определяет содержание высших нравственных ценностей, этических и эстетических категорий, а также принципов и норм индивидуальной и общественной морали, в том числе и патриотизма — морального принципа, выражающего меру любви человека к своему Отечеству. Содержание всех моральных принципов определяется высшими нравственными ценностями, главное место среди которых занимает идеал, так как именно он обуславливает цель деятельности каждого отдельного человека и общества в целом. Идеал имеет фидеическую природу — человек *верит*, что тот или иной предмет или явление видимого или невидимого мира имеет высшую ценность, следовательно, именно предмет веры определяет содержание патриотизма.

Религией русского народа является православие. Оно создало русскую культуру и обеспечило её целостность во всём многообразии духовных и материальных форм. Православие обусловило особенности онтологии и гносеологии русского человека и сформировало его духовные и нравственные ценности. Патриотизм занимает среди них особое место, поскольку непосредственно восходит к главному закону христианской жизни:

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумием твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22, 37–40).

Любовь к Богу заключается в деятельном стремлении исполнить Его волю наилучшим образом. Об этом прямо говорит Христос:

«Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня; а кто любит Меня, тот возлюблен будет Отцом Моим; и Я возлюблю его и явлюсь ему Сам» (Ин. 14, 21).

Любовь к самому себе состоит в неустанном подвижении¹ себя ко Христу, а любовь к ближнему — в готовности пожертвовать всем ради его спасения.

Для православного сознания любовь является универсальным законом бытия. Она определяет содержание и характер действия всех

1 Подвижение — авторский неологизм, однокоренной со словами «подвиг», «подвижник», «подвижничать». — О. С.

элементов индивидуального и общественного сознания, выстраивает их иерархию и занимает в ней главенствующее положение, о чём говорит Священное Писание:

«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 13).

Понимая под любовью силу, рождающую, преумножающую и спасающую жизнь, православие обозначает словом «любовь» и сущность самого Бога:

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин. 4, 16).

Жизнь — естественное следствие и продолжение любви, которая проявляется в видимом мире как красота, а в живой природе она выражается также в несознательной потребности заботы о потомстве и в стремлении к близости с себе подобными. У некоторых высших животных любовь может проявляться и в привязанности к представителям других биологических видов.

Любовь целостна, едина и неделима; она всегда одна и та же, постоянна и неизменна в своей сущности, как и сам её источник — Бог. Поскольку человек сотворён по образу и подобию Бога, то любовь должна быть основой всех сфер сознания и практической деятельности человека. Однако её полнота и чистота у всех людей разная, что обусловлено состоянием их духовной сферы: чем более она развита и целостна, тем ярче и сильнее энергия Божественной любви, изливающаяся через человека в мир, и тем очевиднее её проявления. И напротив, греховная повреждённость духовной сферы препятствует проявлениям любви и искажает её сущность во всех областях человеческой деятельности.

Священное Писание определяет содержание понятия «любовь» через конечный перечень действий:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 4–8).

Писание также называет и главный критерий, отличающий любовь от внешне похожих на неё явлений:

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13)².

Жертва — атрибутивное свойство любви, её сущность и значение состоит в том, что она соединяет любящего и любимого, превращая их в новую онтологическую целостность на основе духовного единства. Вся земная жизнь Иисуса Христа была примером такой любви, а её высшим проявлением стало добровольное принятие крестной смерти ради спасения всех людей. Пример жертвенной любви явил Бог Отец, который *так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3,16).

Русская Православная Церковь ясно выразила своё отношение к патриотизму в «Основах социальной концепции РПЦ», принятых Архиерейским Собором РПЦ в 2000 г. В этом документе, в частности, говорится:

«Патриотизм православного христианина должен быть действенным. Он проявляется в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни, в том числе путём участия в делах государственного управления. Христианин призван сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание»³.

В «Основах» также приводятся примеры патриотизма, проявленного христианами различных национальностей, духовное родство которых выше и сильнее кровных связей, поскольку во Христе *нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3, 11). Особое внимание «Основы...» уделяют истории русского народа, хранящей множество образцов самопожертвования ради Христа, ближних и Отечества представителями самых разных слоёв русского народа от простых крестьян до князей и архиереев.

История России знает также примеры патриотизма людей, принадлежавших к другим традиционным для России религиям: исламу, иудаизму и буддизму, а советский период отечественной истории дал множество образцов и нерелигиозного патриотизма. Он был основан на марксистско-ленинской идеологии, базовые постулаты которой (материализм и атеизм) предлагалось принять без доказательств, на веру.

- 2 Русский народ выразил эту мысль в мудром императиве: «Сам погибай, а товарища выручай!» Заметим, что подобной поговорки нет ни у одного другого народа.
- 3 Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва, 2001. С. 14.

Нужно было верить в «светлое будущее», в личную непогрешимость вождя и в априорную истинность всего, что говорится и делается от лица партии. Именно вера придавала советскому патриотизму черты индивидуального и массового героизма, отчасти сопоставимого с подвигами христианских мучеников и исповедников. Однако верить в абстрактное «светлое будущее» оказалось намного труднее, чем в Бога, и атеистическая идеология начала постепенно разрушаться. В конечном итоге советский патриотизм деградировал на низший уровень фидеического сознания и превратился в партикулярный патриотизм (личное дело каждого), локализующийся в конкретных образах (*моя страна, мой народ, мой город, моя деревня, моя хата с краю, мой дом — моя крепость и т. п.*). Патриотизм такого рода всегда ограничен субъективными эгоистическими смыслами, а потому он слаб, аморфен, неустойчив и подобен дому, построенному без фундамента: разрушится при первом серьёзном испытании. Особое нравственное явление представляет собой патриотизм, ассимилированный гордостью. Человек, считающий себя лучше других, боится обнаружить свою слабость и вынужден вопреки собственным желаниям и интересам временно следовать социально одобряемым моделям поведения, в том числе патриотизму. Но такой «патриотизм», по существу, уже не является таковым, потому что его содержание образует не любовь, а гордость и постоянно сопутствующий ей эгоизм.

Любовь жива и сильна только до тех пор, пока сохраняет связь со своим источником — Богом. Утратив её, она становится подобна цветку, отрезанному от корня: некоторое время он будет сохранять внешний вид и аромат, но затем неминуемо завянет и погибнет. Это всегда происходило и будет происходить со всеми светскими формами патриотизма, независимо от того, на какой идеологической почве они будут созданы.

Религиозный патриотизм сильнее и твёрже любых других форм патриотизма, так как любовь верующего человека не ограничивается его земным Отечеством, а простирается и на духовный мир, Царство Божие. Оно служит Отечеством для всех верующих людей всех национальностей и мест проживания, поэтому они готовы сражаться за него не только на родной земле, но и за её пределами.

Для христианина Небесное Отечество является высшей ценностью, ради которой он может и должен пожертвовать всем своим достоинством. Этому учит Евангелие:

«Царство Небесное подобно купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Мф. 13, 45–46).

Христианский патриотизм зиждется также и на принципах сыновней любви и почтительности к единому Отцу, на благодарности Ему и стремлении быть во всём послушным Ему.

Патриотизм — сознательное, свободное и деятельное проявление любви к Отечеству (стране и народу), а поскольку любовь является неотъемлемым свойством человеческой природы, то и патриотизм является естественным, нормальным качеством людей. Всякая его неполнота или ограниченность свидетельствует о духовном повреждении личности. Об этом говорит и апостол Павел:

«Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1 Тим. 5, 8).

Причиной этого явления Священное Писание называет нежелание людей жить по воле Бога:

«По причине умножения беззакония, во многих охладает любовь» (Мф. 24, 12).

Беззаконие, то есть сознательное нарушение или неисполнение воли Бога, открытой в Его заповедях, есть прямое следствие гордыни и порождённого ею эгоизма. Гордость лишает человека способности адекватно оценивать себя, поэтому эгоист априори считает себя лучше других людей. Движимый гордостью и желанием стать «ещё лучше», он иногда даже готов чем-то пожертвовать (как правило, малозначимым) ради окружающих, но лишь затем, чтобы получить моральное право потребовать многократной отдачи. Если эгоист не получает её, он начинает ненавидеть облагодетельствованного им человека, а если получает над ним власть, то и мучить.

Разрушение любви приводит к деградации патриотизма до **национализма, расизма, шовинизма, ксенофобии и космополитизма**.

«Без Меня не можете делать ничего», — говорит Господь (Ин. 15, 5). Человек способен любить только до тех пор, пока сохраняет связь с Богом. Как только он сознательно или бессознательно разрывает её, Божественная любовь перестаёт изливаться через него в мир и патриотизм утрачивает духовный статус, регрессирует на второй уровень трихотомии и превращается в **национализм**. Любовь националиста не имеет внешнего источника, поэтому она ограничена и конечна.

Инстинктивно чувствуя это, националист расходует её только на тех, кого считает своими единокровными братьями. Для остальных людей его любви не хватает, и в отношении к ним он проявляет либо равнодушие, либо ненависть. Ради «своих» националист готов трудиться, сражаться и даже жертвовать собой. Но только ради них, тогда как патриотизм простирается на всё Отечество, объемля людей самых разных национальностей, вероисповеданий и социальных статусов.

Национализм ущербен ещё и потому, что никто не может знать наверняка, что перед ним находится представитель именно его нации. Так же невозможно доказать, что сам националист является чистокровным представителем одного-единственного народа. Если национализм не освободится от ограниченности и не возвысится до религиозного патриотизма, то рано или поздно опустится до **шовинизма**, утверждающего априорное превосходство одной нации над другими.

Между национализмом и шовинизмом находится **расизм**. Он возник и получил наукообразное обоснование одновременно с так называемым научным атеизмом в середине XIX в. в Западной Европе (крупнейшими теоретиками расизма были француз Ж. Гобино, англичанин Х. Чемберлен и немец Г. Гюнтер). Причина появления расизма заключалась в разрушении религиозного сознания и вытеснении его идеологией материализма и рационализма. Они, в свою очередь, были порождены гордостью, выражавшейся в чувстве априорного физического (расового) превосходства.

Свою неполноценность расизм пытается скрыть за псевдонаучными, а иногда и мистическими доводами естественного, природного превосходства одной нации над другой. В отличие от него, шовинизм доказывает свою правоту не силлогизмами, а насилием, следуя примитивной логике: я — лучше, и все должны это признать и подчиниться мне. Шовинизм находится на границе душевного и телесного уровня трихотомии, в нём ещё можно найти следы любви, но эта любовь высокомерна и горделива и при первом испытании мгновенно превращается в свою противоположность — ненависть. Шовинизм неотделим от эгоизма и не может любить кого-либо кроме себя, он даже не может долго видеть его рядом с собой, ощущая как нечто чужое и потенциально опасное.

Шовинизм глубоко чужд христианскому сознанию, ибо является почти окончательным разрушением любви и ярким показателем апостасийных процессов индивидуального и общественного сознания. Чем шире и глубже духовное разложение, тем слабее любовь в каждом

отдельном человеке и в обществе в целом и тем чаще и острее будет проявляться шовинизм, поэтому шовинизм не мог появиться в православном народе, его породило разлагающееся религиозное сознание постренессансной Европы. Само слово «шовинизм» обязано происхождением солдату армии Наполеона I Николя Шовену, сочинившему песенку с рефреном:

«Франция, Франция — превыше всего!»⁴

В нач. XX в. эта песенка зазвучала в Германии:

«Германия, Германия превыше всего! Выше всего на свете!»⁵

А после 1945 г. идея естественного и безусловного превосходства одной нации над другими воплотилась в так называемой «американской мечте»⁶.

Результатом дальнейшего разрушения любви становится **ксенофобия**. Её носители руководствуются в отношении к окружающим людям сугубо физическими ощущениями приятности и неприятности. Они воспринимают любого человека как заведомо опасное существо, от которого нужно избавиться любыми способами.

Последним этапом разрушения любви, за которым следует уже физическая смерть, является **космополитизм**. В XX в. он был всячески эстетизирован апостасирующим сознанием русской интеллигенции и объявлен чуть ли ни высшей стадией интеллектуального развития человека. Однако на самом деле космополит не испытывает чувства любви ни к кому и ни к чему, кроме самого себя, руководствуясь убеждением, согласно которому родина — это там, где жить лучше. От ксенофобии космополитизм отличается только отсутствием агрессии. Он не пытается изменять среду своего обитания, а просто меняет её на другую. Это сугубо физическое, животное, рефлексивное действие, не имеющее никаких душевных или духовных оснований⁷.

Процесс деградации любви имеет как вертикальное (от патриотизма к космополитизму), так и горизонтальное измерение. Во втором

4 «France, France avant tout!» (фр.). См.: Пюиже Ж., де. Шовен, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма. Москва, 1999. С. 9–11, 15–21, 362–367.

5 «Deutschland, Deutschland über alles! Über alles in der Welt!» (нем.).

6 «American Dream» (анг.).

7 Космополитизм — последний этап перед полной гибелью, сначала духовной, а затем и телесной. Ф. М. Достоевский показал это через образ Николая Ставрогина: «Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей. На столике лежал клочок бумаги со словами карандашом: "Никого не винить, я сам"». См.: Достоевский Ф. М. Бесы 3, 8 // ПСС. Т. 10. С. 516:3–5.

случае любовь утрачивает целостность и универсальность, становясь дискретной и избирательной, вследствие чего человек может любить одних людей и ненавидеть или быть равнодушным по отношению к другим. По существу, это уже не любовь (так как целостность утрачена), а лишь похожие на неё элементы морального сознания, «срабатывающие» в определённых ситуациях и условиях. Так, человек может вести антиобщественный образ жизни и даже быть преступником, но сохранять чувство любви к родине. К этому феномену обращены известные слова Самуэля Джонсона: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя», произнесённые в ходе обсуждения вопроса о возможности набора в армию уголовных преступников. Осенью 1941 г. этот вопрос встал и перед руководством Советского Союза, а зимой 2022 г. — перед высшей государственной властью Российской Федерации. Его положительное решение выявило важную закономерность — немало граждан, совершивших разного рода преступления, вернулись к нормальной жизни. Следовательно, восстановление разрушенной любви возможно через волевое побуждение к сознательному акту любви, чему может способствовать и внешний (социальный) импульс, благодаря которому человек оказывается в ситуации морального выбора. Избирая добро, человек получает навык добротворчества, упражняя и совершенствуя который он создаёт условия для спасения своей души, ибо, говорит Господь, *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Любовь Бога в равной степени изливается на всех людей, но они не в равной степени готовы её принять. Гордость закрывает душу человека от света Божественной любви, и та любовь, которая прежде была в нём, начинает постепенно иссыхать, всё более и более превращаясь в себялюбие и эгоизм. Единственный путь стяжания любви Бога — смиренное исполнение Его заповедей, для чего каждому человеку даётся уникальный, только ему предназначенный талант:

«Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий всё во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу» (1 Кор. 12, 4–7).

Поскольку наивысшим благом для человека является спасение его души (ибо *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26)), то необходимо неустанно совершенствоваться и преумножать полученный

талант, как о том говорит Евангелие в притче о талантах (См. Мф. 25, 14–30). В этом и заключается *настоящий патриотизм*: человек должен приумножить талант и с его помощью ответить деятельной любовью на любовь Бога.

Все великие творцы русской культуры были сознательными и деятельными патриотами. Однако уже в середине XVIII в. продукты разложения европейского религиозного сознания стали проникать в Россию. Всё громче звучали голоса, утверждавшие, что патриотизм является пережитком прошлого, что никакого патриотизма вообще нет, а есть общечеловеческие ценности и глобализационные процессы. Отвечая им, А. С. Пушкин писал:

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие <...> Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утверждённый демократической завистью некоторых философов, служит только к распространению низкого эгоизма»⁸.

Закон любви, хранимый православием, придаёт русскому патриотизму глубину и широту, не известные другим национальным формам патриотизма. Для русского человека, то есть человека, укоренённого в русской культуре, знающего и любящего её, Россия — намного больше, чем государство или страна. Для него Россия — это *всё*, без чего он не может жить. Именно поэтому *ностальгия* — характерно русское явление, не знакомое и не понятное иностранцам. Именно поэтому русские солдаты, попав в плен, всегда старались бежать из него, тогда как иностранные солдаты в русском плену вполне довольствовались наличным комфортом. Именно поэтому русский человек, даже разбогатев и вполне благополучно устроившись за рубежом, всегда мечтал о возвращении на родину⁹. И. А. Ильин писал об этом:

«Где бы, мы, русские люди, ни жили, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к Родине и нашей веры в неё»¹⁰.

8 Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. 6. Критика и публицистика. Москва, 1962. С. 20.

9 Характерным примером является судьба тверского купца Афанасия Никитина (XV в.).

10 Ильин И. А. Почему мы верим в Россию? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. Т. 1. Москва, 1992. С. 89.

Патриотизм принадлежит к сфере духа, основу которой составляет любовь, питаемая верой в идеал. Чем выше идеал, тем сильнее любовь и патриотизм. Сформировать представление об идеале вне фидеического или религиозного сознания невозможно, а поскольку религиозное сознание — высшая форма фидеического сознания, то настоящий патриотизм может иметь только религиозную природу. Об этом свидетельствуют имена христиан разных времён и народов, живших во враждебной религиозной и социальной среде, но всегда добросовестно выполнявших свои гражданские обязанности — от уплаты налогов до службы в армии. Известно, что верующие люди идут на войну спокойно и уверенно, потому что знают о своём бессмертии и веруют в милосердие Божие. Они не боятся смерти и потому воюют мужественно и смело, а безбожники, оказавшиеся на войне против своей воли, или гибнут, или переходят на сторону врага. Это следует учитывать при организации и проведении работы по патриотическому воспитанию, довольно активно развернувшейся во всех сферах современной общественной жизни России. Опора на духовные ценности, хранимые традиционными для России религиями, позволит восстановить нарушенные советской и либеральной идеологией вертикальные исторические связи многонационального и многоконфессионального русского народа, обеспечить его единство и процветание.

Источники

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Москва: Изд. Московской Патриархии, 2001.

Литература

Достоевский Ф. М. Бесы // *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: [в 30 т.]. Т. 10. Ленинград: Наука, 1974. С. 5–516.

Ильин И. А. Почему мы верим в Россию? // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. Т. 1. Москва: Рарог, 1992. С. 89–93.

Пушкин А. С. Собрание сочинений: [в 10 т.]. Т. 6. Критика и публицистика. Москва: Художественная литература, 1962.

Плюмеж Ж., де. Шовец, солдат-землепашец: эпизод из истории национализма. Москва: Языки русской культуры, 1999.